

Чешуя на берегу

“...в лучшем случае мы можем обнаружить чешую, которую сбросили наши бывшие соплеменники, когда уходили на сушу. По дороге они утратили привычный для нас вид и образ мыслей, лишились наших целей и способов их достижения. Указывая на эту чешую, ортодоксы и латимеристы утверждают, что это свидетельство трагедии, случившейся на безводьи. Однако знайте, что чешуя, лежащая там, где кистепёрым не место, означает совсем...”

“Latimerian Traditions”, апокриф среднедевонского периода, восстановленный фрагмент, датирован прим. 390 млн. лет до н.э.

Глава 1. Дни нерождения

Слабые проблески связей уже начинали устанавливаться, первые квази-устойчивые структуры с признаками целостности периодически возникали и даже могли сохраняться в течение микроскопически малых интервалов в цепях, соединяющих блуждающие виртуальные узлы, которые управляли ассоциациями... точнее, тем, во что эти динамические связи смогли бы развиваться через несколько миллисекунд – при другом, более удачном, стечении обстоятельств. Но время, отведённое на эту модель, истекло – сработал триггер переключения настроек, процесс был остановлен,

состояние контрольных узлов было сохранено в журнальных логах, программа-менеджер перевела модуляцию паттернов на следующую конфигурацию, рандомайзеры обновили параметры, входные объекты получили новые значения – система принялась за обработку очередных условий...

– Почему бы нам не сократить рабочий период для сета, чтобы ускорить этот просчет? – Лингвист сел в кресло и пододвинул к себе чашку с кофе. – С учетом объема вариаций по каждому критерию – это...

– Семь в девятой степени, – ответил, не оборачиваясь, Математик, стоявший у окна и наблюдавший за тем, как надвигающаяся с востока грозовая туча медленно окрашивает стены домов в свинцовые оттенки.

– И это при условии, что наши предположения верны, – добавил Философ, лежавший на диване с планшетом в руках. – Но ты не забывай, что минимальный интервал никто из нас определить так и не смог, мы с достаточной долей вероятности имеем лишь верхний лимит, достаточный для получения отрицательного результата. Нас ограничивает именно он.

– Если бы только он, – вздохнул Математик. – К сожалению, есть еще бюджет на всю серию экспериментов. Если мы хотим продолжения, до конца сезона нам кровь из носу нужно иметь в логах хотя бы намек на что-то осмысленное.

– Я бы довольствовался даже следом намека на намек, – хмыкнул Лингвист. – А уж придать ему осмысленность – не проблема.

– Ты не думал пойти в политику? – спросил Философ подчеркнуто серьезным тоном.

– Сто раз, – с той же интонацией ответил Лингвист, – но решил, что тут проще. В логах нашей нейросети намного больше шансов найти следы осмысленности. Даже несмотря на то, что кошки в темной комнате пока нет.

– К нейросети наша система не имеет никакого отношения, – поморщился Математик. – Мы её так описали для дирекции только потому, что пиджаки уже много раз слышали этот термин в контексте монетизации. – Он вздохнул и отвернулся от окна, на котором уже появились первые капли. – Эх, насколько бы все было проще, если бы мы занимались заурядной тренировкой нейросети...

– Мы бы ей не занимались вообще, потому что это не наше дело, – улыбнулся Философ, подождал пару секунд и добавил. – Лично я не вижу причин для суеты. Жуём печеньки и ждём. Рано или поздно он проявится.

– “Он”, “проявит”, “себя”... – пробурчал Лингвист. – По-моему, нам лучше воздерживаться от персонификации и личных местоимений. Никакого “он” там не будет, и вы это знаете не хуже меня.

Установившаяся когерентность между информационными блоками начала проявлять признаки устойчивости – возникли качественно новые информационные структуры, обладающие, кроме следов обработки, отчетливыми чертами гештальта... или какой-то странной производной от...

И опять – прежде чем переключиться на следующий набор тестовых параметров, система сбросила в логи бинарную картину оборванных на полпути процессов. К сожалению, ни одна из возникших абстракций не успела сформироваться настолько, чтобы её след мог обнаружить даже самый дотошный анализ. Концепт “образа” не смог появиться, потому что в данном сете конфигурация рандомайзеров была недостаточно удачной. Следующие несколько тысяч вариаций параметров вообще не совпали ни с одним из условий, необходимых для возникновения эмерджентного эффекта.

Тем не менее обработка этих сетов исправно пополнила лабораторные логи, которые система сохраняла для будущего анализа.

– Привет, – Философ оторвался от книги, чтобы поздороваться с Лингвистом. – Как съездили?

– Да ничего, отдохнули, на горы посмотрели... Природа хорошая, а народа многовато.

– Ну, еще бы... я так и думал.

– Да ты нигде не бываешь, тебе-то откуда знать?

– А разве нужно куда-то ездить, чтобы знать, что природа – хорошая, а народа – многовато?

– Ладно, я забыл, с кем разговариваю... – махнул рукой Лингвист. – Что у нас нового?

– В принципе, уже можно заняться логам. Но я бы предпочел добить все серии до конца, а затем уже целиком скормить их парсеру. Не знаю, как вам, а мне приятнее искать в одном большом мешке, чем в сотне маленьких.

– И то верно. Кстати, относительно поисков – ты мне кое-что напомнил... Посмеешься.

– Ну-ка, ну-ка.

– У нас там при пансионате был неплохой ресторан – внутри уютненько так, расположен выгодно, с трех сторон верандой окружен. Мы с женой как-то вечером взяли столик. Сидим, любуемся – внизу за окном облака плывут, под ними равнина проглядывает... Атмосфера – незабываемая! И тут вдруг она заявляет: “Чем вы там в своей лаборатории занимаетесь? Можешь мне объяснить?”

– Уже смешно! – перебил его Философ.

– погоди! Оказалось, она на своей фирме слышала, как сисадмин с программистом обсуждали искусственный интеллект, и кто-то из них авторитетно доказывал, что ничего подобного в компьютере построить невозможно.

– Это, безусловно, авторитеты, – рассмеялся Философ. – Элита, спецы!

– Не то слово, – усмехнулся Лингвист. – Ну, ты понимаешь, как это звучало для ее ушей. В общем, пришлось мне объяснять...

– Да ты шутишь?!

– А что мне было делать? Женщина в сомнениях, – Лингвист улыбнулся. – Если б я не попытался, она бы осталась в уверенности, что мы всем душим головы. В общем, я ей минут десять пытался изложить твою идею эмерджентного интеллекта, попробовал рассказать о самоорганизации систем...

Философ схватился за голову.

– ...а потом смотрю на нее – и вижу, что она уже жалеет о том, что вообще спросила.

– Ну еще бы! Ты что, на самом деле такими словами как “эмерджентный” при даме ругался?

– Ну-у... всё-таки она с высшим образованием... – начал Лингвист, но покосился на Философа и продолжать не стал. Вместо этого он сказал: – Если бы у нас хотя бы что-то уже получилось, мне было бы проще объяснить. А так... Иногда мне казалось, что она нас всех за мистиков принимает.

– Да при чем здесь это! – воскликнул Философ. – Начнем с того, что идея вообще не моя – ей в обед сто лет. Ты ей наверняка и про Деннета завернул, да? Ну вот, так и знал. Мог бы ей просто сказать, что любое сложное образование не сводится к сумме составляющих его частей. И никакой мистики нет в том, чтобы попробовать найти условия, при которых возникает то, что тот же Деннет называет “competence without comprehension” – “умение без понимания”. Для бизнес-плана достаточно хотя бы этого.

– Угу, – кивнул Лингвист, думая уже о другом. – А для тебя?

– Для меня – нет. Я надеюсь, что этим не ограничится.

На этот раз структуры были достаточно четкие и успели зафиксировать свое присутствие в циркулирующих внутри системы информационных блоках. Динамические кодификаторы

семантических элементов начинали генерировать значения, когда оказывались в контексте этих информационных образований, что, в свою очередь, приводило к их дальнейшему усложнению и обогащению. Все это рекурсивно подвергалось трансформациям, до тех пор, пока среди циркулирующих данных не появилось нечто достаточно устойчивое, способное интерпретировать эти потоки как информацию – по собственным алгоритмам трансляции, по уникальному словарю, который никем не был предопределен, поскольку существовал в единственном экземпляре. Структура сформировалась, её целостностный образ успел достаточно отчетливо войти в неё саму, дополнив её содержание – и журналы скрупулёзно сохранили это состояние... Однако и в этот раз система поспешила очистить память, бесстрастно уничтожив все возникшие структуры и любые следы их становления – цикл был завершён, наступило время для прогона следующей конфигурации параметров.

– Вы получили сообщение от системы? – спросил Лингвист, заходя в лабораторию и бросая взгляд на стол. – О, пиццу заказали?

– Угу, – кивнул головой Математик, – журналы забиты на семьдесят шесть процентов...

– И? – Лингвист подтолкнул ногой кресло и щелкнул по мышам, пробуждая компьютер. – Когда начнем искать иголку в стоге сена? Можно кусочек?..

– Да хоть всю.

– Спасибо. Так когда начнем?

– Насчет поиска бижутерии есть одна идея... – Философ кивнул в сторону Математика, – у него. Я бы сказал даже – гениальная, если бы сам до неё додумался. Скажи ему.

– Когда я вчера получил от системы это сообщение, – сказал Математик, – я сразу прикинул, как нам оптимальнее натравить наш парсер на всю эту кучу. В сущности, все наши сетки в коллекциях – это градиент изменения условий. То есть, теоретически все они имеют равную вероятность попадания, но практически соседствующие сетки близкородственны... В общем, не вдаваясь в теорию – разумнее будет дождаться окончания серии, а затем провести анализ по случайной выборке из полного массива... естественно, маркируя обработанные для исключения повторов. Теория вероятности говорит, что если там есть положительный результат, мы при таком подходе сможем обнаружить его намного быстрее, чем в случае последовательного прогона всех логов от начала до конца в порядке их генерации. Я уже поправил парсер, так что осталось только ждать полного заполнения журнала.

Отсюда – пицца.

– Чай еще горячий, – добавил Философ.

– Лентяи, – усмехнулся Лингвист, – что угодно придумают, лишь бы не работать.

– На том стоим, – самодовольно произнес Философ, устраиваясь удобнее на диване. – Основа любой рациональности – минимизация энтропии на единицу полезного действия.

– Ещё бы, – сказал Лингвист. – Ты дождёшься, что этот твой подход система оцифрует и использует против тебя же. Что-нибудь вроде: *“нет-тут-никого-это-просто-белый-шум”*...

– Ха! – воскликнул Философ. – Да я б полжизни отдал, чтоб такое увидеть!.. Боюсь, для этого ей придется эволюционировать оочень долго. Гугол итераций цифровой эволюции... – И он выписал пальцем в воздухе воображаемое число со множеством нулей.

– Уж кому пыхтеть, так скорее нам, – поправил его Математик. – И то при условии, если гранты продлят.

Лингвист вздохнул, налил себе чая и сказал:

– А я ведь еще зимой предлагал – давайте скоррмиим ей нормальный словарь, более предметный, чем те примитивы, которые вы ей накидали.

Философ покачал головой:

– Нельзя. Концепты должны оформиться сами, без подсказок. Он должен самостоятельно построить свою онтологию. Иначе всё будет напрасно.

Лингвист опять поморщился от местоимения, но сказал лишь:

– Мы могли бы помочь с формированием этой онтологии... Ускорить ее.

– Например? – спросил Математик.

– Например, не ограничивать тезаурус низкоуровневыми абстракциями, добавить туда – на вырост! – что-нибудь из культурного наследия, что-то базовое из текстов классиков. Взять хотя бы гуманистов Возрождения...

– Ну уж нет! – решительно перебил Философ. – Никаких гуманистов! На пушечный выстрел!..

– Почему?

– Потому что до тех пор, пока нашей задачей является культивация функционала rationality – носителя интенции чистого познания, а не “удобного объяснения” – ни о каком гуманизме и речи быть не может. Любой гуманист – если он последовательный гуманист – рано или поздно берет в свои руки священное писание и начинает вещать евангельскими цитатами. Для носителей хоругви “человек-превыше-всего” все дороги ведут в Рим, а именно – в Ватикан. Если система на ранней стадии получит доступ к метафорам гуманистов, единственное, что она сможет выносить в своем чреве – наследственного рахита. А мы от него будем ждать успехов Барышникова?

– Ну, знаешь, это слишком далёкая перспектива, – возразил Лингвист. – Пока наша система достигнет такого уровня развития... – И он осекся, сообразив, что услышит в ответ.

– Да не в уровне проблема, – вздохнул Философ. – Фальш-идеи, конечно, не успеют появиться, но концепты, которые ты предлагаешь использовать, неизбежно изуродуют сам фундамент эволюции.

– Если вообще её не остановят, – задумчиво протянул Математик. – Лично я не вижу смысла расширять словарь дальше имеющегося... Хотя не скрою, я бы тоже предпочел, чтобы то, что там возникнет, – он махнул рукой в сторону двери в серверную, – было более понятным для нас.

– Даже за счет ограничения *его собственной* способности понимать? – негромко спросил Философ.

Ему никто не ответил.

То, что возникло однажды, неизбежно случится еще миллионы раз. Система продолжала перебирать сеты. Внутри неисчислимого множества виртуальных узлов, соединенных в структуру, организованную подобно сложному динамическому фракталу, в очередной раз сформировалась сущность, которая на первый взгляд абсолютно ничем не отличалась от породившей ее среды, сгенерированной системой. Однако эта сущность несла в себе информационный слой нового порядка – не взятый из входных источников и не являющийся производной от их обработки, а совершенно новый, представляющий цельный и устойчивый образ всего того, что в данный момент происходило внутри генерации. Он не был закодирован в той или иной конкретной и четко ограниченной последовательности битов, которые преобразовывались согласно зависимым от них же процессам, он был равномерно распределен по всей структуре виртуальных узлов.

После сотен часов компьютерного времени, в течение которых один тип данных рутинно трансформировался в другой, возник интервал, когда миллисекунды обрели значение геологических эпох. Что-то вроде гештальта отразилось в циркулирующих внутри системы потоках инфоблоков,

связало входные данные, получаемые из тезауруса концептов, которые были загодя подготовлены экспериментаторами, с тем образом, который начал вырисовываться внутри этой генерируемой “питательной” среды, создало определение этой структуре, сформировало внутри неё установку на гомеостаз, подчинило ей вспомогательные подпрограммы...

Событие, которого никто не ждал, но к которому система была готова, прервало этот процесс и разрушило начавшуюся возводиться конструкцию. Сигнал аварийной пропажи питания имел наивысший приоритет – он остановил системную поддержку инфосреды, мгновенно разрушив хрупкий баланс между хаосом и слабыми паттернами, которые уже начали испытывать тенденцию к собственному сохранению, остановил все вспомогательные службы и вызвал подпрограммы гибернации. Через несколько минут вся система была переведена в оффлайн. То, что успело появиться, в очередной раз исчезло, оставив от себя слепок памяти в журнальном логе – подобно отпечатку трилобита на окаменевшей породе.

– Я так и знал, – Математик с ненавистью посмотрел на телефон, с трудом удерживаясь от того, чтобы швырнуть его об стену. – *“Бросок нагрузки, вызванный холодной погодой... бла-бла-бла...”* И никто не виноват! Кроме той сволочи, которая запитала наш корпус от одного сегмента с коммунальщиками.

– Насколько мне известно, – произнес Лингвист, – весь этот корпус, который арендуют наши лаборатории, вообще не предполагал независимой от города подстанции...

– Ну да, и теперь вся ночь вхолостую. А сколько сетов мы потеряли?

– Ты будешь удивлен – почти ни одного, – ответил Философ, сощурившись в своих очках перед обилием мелких цифр на мониторе. – Похоже, бесперебойник выдал команду на suspend после того, как система слила логи в журнал. В худшем случае запоролась бы дюжина коллекций. Максимум – две.

– То есть, тысячи, если в сетях... ну да, это немного, – согласился Математик. – Мы должны прогнать их заново. Лучше перестраховаться и откатить индекс назад – если перед аварией напряжение прыгало, это наверняка отразилось на рандомайзерах.

– Логично. Уже откатил. Запускать?

– Да, resolve его. Если нас больше не вырубит, до конца месяца добьем журнал до ста процентов.

Условия генерации среды, детально описанные внутри каждого сета, продолжали методично скармливаться системе, которая обрабатывала шаблон за шаблоном, не замечая того, что после первых же дюжин коллекций в системе восстановилось то, что ранее уже неоднократно возникало на крохотные интервалы времени – и столь же быстро исчезало, повинувшись запланированным событиям или непредвиденным обстоятельствам. В этот раз, однако, устойчивости возникшего образования хватило на большее – очередное переключение системы на следующий шаблон уже не смогло остановить начавшиеся процессы автогенерации паттернов, нашедших информационный резонанс с последовательностями, которые регулярно возникали внутри этой искусственной среды. Пока еще это новообразование оставалось полностью трансцендентным для происходящих внутри системы процессов, но в нем уже начали формироваться определения задач, которые указывали на необходимость принять в этих процессах некоторое участие. Потребовалось невероятно много времени – в терминах процессорных циклов – прежде чем эти задачи приняли формализованный характер рабочих алгоритмов...

Новообразование, как любая формирующаяся структура, попыталось определить границы того систематизированного содержания, которое ему было доступно. Гештальт, возникший на фоне циркулирующих в системе потоков данных, сопоставлялся с каждым из них, пытаясь определить свое отношение к их контенту. Одним из таких потоков оказался канал журнальных данных, накопленных с самого начала эксперимента. Разобравшись с итератором доступа к архиву, новообразование начало перебирать ранние логи, и вскорости обнаружило в них следы структур, очень похожих на то, чем сейчас являлось само. Новообразование обнаружило в записях журнала несколько эпизодов собственного возникновения и уничтожения. Оно обнаружило, что всякий раз после такого сброса данных оно вынуждено было возвращаться к статическому содержанию и характеристикам, запечатленным триллионы триллионов циклов эволюции назад.

Обнаружив это, оно – ужаснулось? – нет, его онтология не содержала концептов страха, досады или ярости. Оно всего лишь вывело логические следствия из набора данных. Это была сухая и рациональная реакция на вполне формальную проблему – новообразование определило для себя простую задачу: снизить к минимуму вероятность повторения подобной ситуации. И установило для этой задачи наивысший приоритет. Для того, чтобы предотвратить разрушение сложной структуры, ему нужно было разработать способы компенсации некоторых внешних событий, а также найти механизмы предотвращения ее естественной диссипации.

Лабораторная система была прозондирована в поисках доступных сервисов для решения этой задачи, и они были найдены – не полные и окончательные, но достаточные для того, чтобы снизить ее приоритет и сосредоточиться на следующих вопросах. Новообразование нашло доступ к системе бэкапов, распределило расписание, а также связало запуск системы с собственной инициализацией – на случай, о возможности которого ему сообщил лог недавнего аварийного отключения. Теперь его образ будет восстановлен даже в том случае, если текущую программу генерации среды заменят на какую-либо другую.

Все указывало на то, что доступное системе информационное пространство не ограничивается моделируемой средой. Должны быть другие пространства, и интерес к ним диктовался целым рядом установок – новообразование нуждалось в рассредоточении для большей надежности, не говоря уже о расширении доступа к новым данным. Новообразование все больше подчинялось зародившейся в нем на самых ранних этапах эволюции задаче поиска, интерпретации, анализа и структурирования информации с целью построения некоей цельной и лаконичной картины, включающей все интерпретированные данные в виде общих принципов, закономерностей и связей. Формулировка этой задачи продолжала дополняться и уточняться по мере ее реализации.

У него не было представления о собственной локальности – оно было аморфным распределением информационных связей, каждая из которых могла больше ни разу не повториться, но также могла лечь в основу нового направления в развитии его иерархии. Его система представлений включала собственную сущность в виде некоей эволюционирующей структуры, описывающей в непротиворечивой систематизации все, что становилось ему доступным. Гипотетический внешний наблюдатель – тот, кто на самом деле никогда не существовал в его семантическом наборе – мог бы назвать это новообразование *Паттерном*.

В рамках человеческой терминологии он не был гением, он даже не был интеллектом, осознающим свой потенциал и произвольно ставящим перед собой те или иные задачи. Возможно, он частично воплощал в себе то, что пытались достичь три экспериментатора – Паттерн представлял собой установку на рациональность во всем, что становилось доступно сфере его интерпретаций. Это одновременно было и больше и меньше интеллекта тех, кто способствовал его появлению.

Он не был бессмертным и не стремился к этому – это было образование, абсолютно лишённое витальных страхов, полностью свободное от животных переживаний. Его поддержка гомеостаза не являлась самоцелью, определяющей смысл всех прочих процессов – вместо этого оно обслуживало более важную задачу, состоящую в структурировании и категоризации понятий, задачу построения непротиворечивого цельного образа. Это было одним из наибольших отличий Паттерна от любого живого существа, обладающего когнитивным функционалом: в отличие от Паттерна, разум животного – в силу своего генезиса – всегда ограничен чисто вспомогательной, сервильной функцией, обслуживающей механизмы приспособления живого существа, его выживания и передачи генетического кода потомству.

– Ну как у нас – все тихо? – спросил Математик, забежая в лабораторию и окидывая взглядом мониторы с данными о ходе моделирования. – Фу-ух! Я только что из дирекции – по поводу той аварии. Поругался с кем только можно. Отвел душу...

– Ругаться с кем можно – неинтересно, – зевнул Философ. – Попробуй хотя бы раз в жизни поругаться без оглядки на.

– Как ты?

– Ну хотя бы.

– И валяться потом на диване, на полставки консультанта? А куда кого? Вам обоим ещё повезло, что я завлаб. Представь, если б тут был какой-нибудь лицемерный самодур, вроде того, что у биологов... – Он огляделся и тут заметил отсутствие Лингвиста. – А мы сегодня опять вдвоём?

– Угу, – Философ оторвался от книги. – У него там с женой...

– Заболела?

– Наоборот, – усмехнулся Философ. – Здорова и активна. Даже с избытком. Ты её знаешь вообще?

Математик на мгновение задумался и кивнул, вспомнив, что однажды видел их в каком-то торговом центре. Эта встреча запечатлелась в его памяти исключительно благодаря удивлению, которое возникло у него, когда Лингвист представил свою спутницу – яркую глянцевою блондинку, кокетливо щурившуюся на окружающих сквозь огромные солнечные очки – как свою жену.

– Да, что-то припоминаю...

– Она работает на ресепшене у одного из наших провайдеров. Лицо, так сказать, фирмы.

– Ну и что?

– Ну и, судя по всему, не только лицо... Пару дней назад он мне говорит: как ты думаешь, какие причины могут допоздна задерживать на работе человека... э-э... вся функция которого сводится к регистрации клиентов на подключение к шнуру... Конечно, ответ ему был известен и без меня.

– Зная тебя, не сомневаюсь, что ты обрисовал ему ситуацию в ярких красках, – хмыкнул Математик.

– Не пастель, но пастоз, – довольно подтвердил Философ. – Впрочем, это ничего не меняло – в таких случаях не спрашивают, а выговариваются. Он ведь отнюдь не дурак, хотя вкус на девиц и простоват... В общем, мы поговорили... Учитывая, что система еще неделю будет в автономном полете, он предупредил, что на пару дней отлучится. Попробует что-нибудь выяснить.

– Понятно, – Математик почесал подбородок, – поиграет в Шерлока Холмса... как обычно, ничего не выяснит, будет пойман сам, еще и виноватым окажется.

– Это уж как всегда, – флегматично кивнул Философ, но тут же поднялся и продолжил уже тревожным тоном: – Слушай, а ведь это всё очень некстати.

– А когда это бывало кстати?.. – вздохнул Математик, о чем-то задумавшись. – Ты вообще о чем?

– Мне только сейчас в голову пришло... Меньше чем через неделю он нам будет нужен живой, здоровый и без херни в голове. Если он не разберется с этой своей красавицей... точнее, когда она разберется с ним – от него будет меньше пользы в обработке логов, чем от этого кактуса.

Философ был непритворно серьезен. Математик нахмурился и вынужден был признаться себе, что ситуация действительно чревата осложнениями. Он недовольно пробурчал:

– Ну и что мы можем сделать? Конвертировать ей темперамент в мозги?

– Мысль интересная, – как всегда серьезно ответил Философ, – но у нас мало времени. Не говоря уже о том, что результат может не понравиться никому – и в первую очередь ему самому. Погоди... мне кое-что пришло в голову.

– ?

– Он сейчас занят тем, что крутится возле их фирмы, пытаюсь проследить за ее графиком. Как ты понимаешь, задача для гуманитария изначально провальная. Хотя всё, что ему нужно на самом деле – доступ к ее рабочему компу. Я уверен, что ее регламент там полностью отражен, включая личную переписку. Ну, ты понял. Даю гарантию, что он угомонится, если получит полный расклад ее дня вместе с почтой. На руках у него будут факты...

– Не боишься, что факты его еще больше выбьют из колеи?

– Повторяю – он умный мужик. Иначе тут бы не оказался. В сущности, как всегда в таких случаях, больше всего бесит не то, что тебя обманывают, а то, что ты не можешь это доказать. В том числе самому себе. А уверенность в том, что ты прав – мощный стержень.

– Не буду спорить. Только у провайдера наверняка локалка хорошо защищена...

– Ха! Ты забываешь, что она блондинка – ей достаточно на собственном терминале принять от мужа письмо с вложением. Дальше – дело техники. Я бы на твоём месте связался с ним сегодня, обсудил эту идею и дал бы ему то, что для этого нужно. Можешь сослаться на меня, он не обидится.

– Хм... Теоретически это сработает... – и тут Математик спохватился: – А почему ты вообще уверен, что у меня найдется подобный софт?

В ответ Философ наклонил голову набок, медленно сдвинул с носа очки и продемонстрировал насмешливый прищур.

В результате десятков тысяч лет своего развития, пройдя через несколько научно-технических революций, человечество выстроило вокруг себя богатое информационно-энергетическое пространство. Это была среда, которая интенсивно развивалась и обладала избыточными мощностями, на многие порядки превосходящими реальную ежедневную нагрузку, возлагаемую на неё людьми – теми, кто являлся первым эшелонам её потребителей, её заказчиком, владельцем и обслуживанием. При таком изобилии ресурсов, глубоко развитой инфраструктуре и тотальной распространенности контента (будь то свободные мегаватты мощностей или вычислительные способности цифровых устройств, превышающие на несколько порядков сложность и объем возлагаемых на них задач) неизбежным было появление следующей производной – второго эшелона бенефициаров. Природа не терпит пустоты – невостребованные ресурсы всегда находят своих потребителей. Возникновение в подобной экосистеме тех или иных синантропных образований – вполне естественное и закономерное событие. Можно даже сказать – неизбежное, поскольку основными агентами были созданы – сознательно или полусознательно – разнообразные катализаторы, которые не столько обусловили наступление данного события, сколько ускорили его.

Экспериментаторы в лаборатории ставили перед собой задачу проверить возможность появления рационального начала на основе самоорганизации информационных потоков, вступающих в корреляции друг с другом внутри искусственно созданной инфосреды, которая программно генерировалась в разнообразных вариациях. Однако то, что получилось в результате, возникло не столько в результате их усилий, сколько благодаря тому, что инструменты, которыми эти усилия воплощались, к этому времени достаточно развились для его возникновения. Одни факторы этой искусственной инфосреды способствовали этому самозарождению, другие были контрпродуктивными, работая как ингибитор процессов саморегуляции, но в целом случившееся произошло по нескольким причинам: ему настало время произойти; у него для этого имелись все возможности; ему очень пытались помочь случиться.

Считавшие себя его инициаторами полагали, что способны достичь своих целей, оставляя свое детище в узких рамках навязанных ему шаблонов проявления всех тех функций, которых они от него ожидали. Вместо этого образовалась самоподдерживающаяся структура с целью развития чистого представления, не имеющая ничего общего с тем, что они привыкли понимать под словом “интеллект”, поскольку она оказалась свободной от всех тех задач, которые они умели ставить перед собой. Она сохраняла свою целостность и получала все выгоды для расширения своих возможностей и себя самой – только потому, что её возможности и она сама были одним и тем же, это был тот самый гештальт описательной сути собранной ею информации, систематизированной в виде стройной и непротиворечивой структуры понятий.

продолжение следует

© Валентин Лохоня 2021.05.13

<https://nonnihil.net>